

ГЕН РИ ГРИГ

ВНЕШТАТНЫЙ АРБИТР

МЕРИДИАН ЗЕРО. ТОМ 1

Ген Григ

Внештатный Арбитр.

Меридиан Зеро. Том 1

<https://litres.ru/74274123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший футбольный судья из заснеженного Иркутска очнулся в чужом теле — аватаре на заброшенной базе воскрешения. Эпоха Авангарда сгорела, а галактику сжали в тисках тоталитарный Конкордат и криминальные картели, выстроившие свою власть на лжи и обломках древней цивилизации.

У Тайруса нет памяти о прошлом, но сохранилась въевшаяся привычка: если на поле нарушают правила, Арбитр дает свисток.

Впереди — разломы дикого сектора «Шрамы», охота за артефактами Древних и сборка команды из тех, кому больше некуда идти. Чтобы оживить «Меридиан Зеро», Тайрусу придется пробить заслоны корпораций, украсть таинственную капсулу и сорвать маску с правящего режима.

Правда прозвучит на всю галактику. Но за нее придется заплатить: сжигая ложь Конкордата, Арбитр рискует рикошетом пробудить силу, спавшую в космической Бездне три сотни лет.

Содержание

Пролог. Финальный свисток	4
Глава 1. Пробуждение	8
Глава 2. Резонанс	20
Глава 3. Дочь Древних	28
Глава 4. Смотритель	42
Глава 5. Настройка частоты	50
Глава 6. Путь к верфям	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ген Ри Григ

Внештатный Арбитр.

Меридиан Зеро. Том 1

Пролог. Финальный свисток

Дождь над Иркутском шел стеной уже второй час. Газон стадиона «Труд» окончательно превратился в грязное месиво, по которому тяжело, с хлопаньем, передвигались двадцать два измотанных игрока. Это был финал регионального кубка — матч, который с самого начала пошел не по регламенту.

Геннадий стоял в центральном круге, утирая заливавший глаза пот вперемешку с дождевой водой. Его черная судейская форма насквозь промокла и неприятно липла к телу, а на больших стадионных часах шла уже девяносто третья минута. Счет стал 1:2 в пользу гостей.

— Куда ты смотришь, рефери?! Там вне игры было километровое! — капитан местной команды, плотный защитник с наливающимся синяком под глазом, подлетел к Геннадию, брызгая слюной и едва не тыча пальцем ему в лицо, — Твой линейный судья совсем ослеп?

Трибуны стадиона ревели, смешивая маты с раскатами

грома, который рокотал где-то совсем близко над Ангарой. Местные фанаты требовали отменить гол, гости — свистка об окончании времени. Напряжение было таким, что один неверный жест — и игра превратится в массовую драку прямо на поле, невзирая на карточки и последствия.

Геннадий даже не шелохнулся. За годы в судействе он привык врубать внутренний предохранитель: что бы ни орали в лицо, ты глушишь в себе человека и превращаешься в хронометр. На поле есть только футбольные правила и свисток.

— Шаг назад, капитан, — холодно, не повышая голоса, произнес Геннадий. — Играем дальше. Еще одна минута. Игра продолжилась.

В этот момент мяч взмыл высоко в свинцовое небо. Защитник хозяев пошел на перехват, жестко, на грани фола врезаясь в нападающего. Трибуны взвыли. Игроки обеих команд бросились друг на друга, стенка на стенку, готовые устроить драку.

Геннадий глубоко вдохнул, поднес металлический свисток к губам и резко, изо всех сил выдохнул, давая финальный свисток, время вышло.

ТУУУУМ.

Звук свистка странным образом совпал с оглушительным, неестественным треском, от которого заложило уши. Небо над стадионом разорвалось, и ладно если бы от обычной молнии.

Прямо в то место, где стоял Геннадий, ударил столб слепящего, серебряного пламени. Время замедлилось. Геннадий увидел, как летящие в лицо капли дождя вдруг замерли в паре сантиметров от его глаз, зависнув в воздухе прозрачными стеклянными точками. Тела игроков обеих команд замерли в неестественных позах.

Часы на запястье взорвались каскадом искр, а большое электронное табло на долю секунды выдало странные, меняющиеся руны вместо цифр. Металлический свисток в руке раскалился, прожигая кожу.

Геннадий не почувствовал боли. Вместо этого в его сознание, пробивая грохот грозы, ворвался чужой, механический голос, вибрирующий на частоте, от которой содрогались кости:

ФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТА. КВАНТОВЫЙ ПСИХОТИП: ВНЕШТАТНЫЙ АРБИТР.

Инициация: Вы вышли за рамки регламента Земной Метрики.

Статус: Перенос сознания в Альфа-сосуд Авангарда запущен.

Координаты назначения: «Аванпост-Эхо»

Ваша игра на этой стороне окончена, Командующий. Добро пожаловать в Высшую Лигу.

Затем серебряный свет стал набирать яркость, выжигая

реальность стадиона, грязного мокрого поля и ревущих трибун Иркутска. Пространство свернулось в сингулярную точку, увлекая сознание судьи в бесконечную пустоту.

А на Земле, в протоколе матча, который так и не был завершён, навсегда осталась лишь одна короткая запись: «Матч прерван на 93-й минуте в связи с аномальным природным явлением. Главный арбитр исчез с поля».

Глава 1. Пробуждение

Темнота не пугала. Она наваливалась тяжелым, пыльным одеялом, из-под которого меня медленно вытягивал звук. Я не слышал механический писк медицинских приборов, я чувствовал едва уловимую вибрацию, похожую на затихающий гул исполинской струны.

Я открыл глаза.

Мой разум был абсолютно пуст — ни имени, ни прошлого, ни единого воспоминания о том, как я здесь оказался. Но, вместо того чтобы задыхаться от ужаса и непонимания, я испытывал странное, аномальное спокойствие. Эта эмоциональная отстраненность тревожила даже больше, чем отсутствие памяти. Словно кто-то аккуратно вырезал из меня способность паниковать, оставив лишь холодный, анализирующий рассудок.

Капсула, в которой я лежал, не имела привычной стеклянной крышки. Прямо над моим лицом мягко рассеивалось мерцающее силовое поле, состоящее из переплетающихся золотистых линий. Они таяли в воздухе, словно визуализированные звуковые волны. Я попытался пошевелить рукой, и тело отозвалось тяжелой, тягучей неохотой. Мышцы казались ватными. Стазис, в котором я находился, явно работал на пределе своих истощенных ресурсов, лишь поддерживая во мне искру жизни, но не давая ни капли энергии.

С трудом перекинув непослушные ноги через гладкий, матово-черный край капсулы, я ступил на пол. Поверхность обожгла ступни ледяным холодом. В глубине темного камня под ногами слабо пульсировали тончайшие прожилки света, ритм которых то и дело сбивался, напоминая пульс умирающего. На мне был лишь тонкий, плотно облегающий тело комбинезон из незнакомого шершавого материала, который совершенно не защищал от царящей здесь сырости.

Опираясь дрожащей рукой о край капсулы я выпрямился. Воздух казался сухим и пах чем-то непонятным, смешанным с запахом древней пыли. Глаза постепенно привыкали к скудному освещению, выхватывая контуры громадного зала. Своды терялись в темноте, а вдоль стен рядами возвышались десятки или даже сотни подобных ниш-капсул. Все они были темными, безжизненными, покрытыми густым слоем серого налета. Только моя капсула продолжала издавать тихое гудение.

Я попытался вспомнить, кто я, но мысли буксовали. В черепе ворочался тяжелый серый ком — рефлексy и значения слов были на месте, а вместо личной истории остался только глухой, ровный шум. Я знал, что такое гравитация, понимал, как работают мои легкие, помнил значения тысяч слов и сложных терминов, но само понятие «Я» оказалось стерто, выжжено дотла. Осознание этой бездонной дыры внутри пробило мою эмоциональную отстраненность, вызвав приступ резкой, сводящей желудок тошноты.

И тут темнота перед глазами взорвалась.

Вспышка. Режущий, слепящий фиолетовый свет от которого, кажется, лопнули капилляры в глазах. Горький вкус пепла на губах и запах расплавленного металла. Чужой голос, искаженный статикой, надрывно кричит прямо в ухо. «Разлом! Они скручивают метрику! Уводите флот, я задержу...» Резкий, выбивающий весь воздух из легких удар, и абсолютный холод вакуума, вонзающийся прямо в мозг.

Я судорожно втянул воздух выныривая из видения и пошатнулся, едва не рухнув на тёмный камень пола. Сердце колотилось с такой силой, словно пыталось проломить ребра. Что это было? Мое воспоминание? Но почему оно ощущалось так странно, как будто я смотрел чужой кошмар от первого лица? Слова «флот», «Разлом» и «метрика» вспыхнули в сознании и тут же потухли, не оставив после себя никакого контекста.

Ответов не было, а реальный, физический холод продолжал неумолимо забираться под тонкую ткань комбинезона, сковывая и без того слабые мышцы. Оглянувшись на угасающую капсулу, я понял: если останусь здесь, попытаюсь собрать осколки чужого разума, то замерзну. Нужно было двигаться во тьму этого гигантского зала, искать источник тепла, энергии или хоть какой-то терминал, пока этот склеп не стал моей окончательной могилой.

Я сделал первый шаг прочь от вновь затянувшейся золотистой плёнкой капсулы. Тьма поглотила меня сразу, лишь

тусклые, еле мерцающие прожилки в полу не давали окончательно ослепнуть и помогали хоть как-то двигаться. С каждым метром масштаб этого места давил на плечи всё сильнее.

Мои босые ступни мягко касались пола, но даже слабое шуршание ткани комбинезона улетало куда-то в невидимые своды и возвращалось многократно отраженным и искаженным эхом. Я шел мимо рядов капсул. Десятки, сотни черных ниш, застывших в вечном молчании. Что в них находилось — я не знал. Осознание того, что я, вероятно, единственное дышащее существо среди этих бесконечных рядов, заставляло идти быстрее, несмотря на тягучую слабость в мышцах.

Вскоре монотонные саркофаги закончились. Архитектура пространства начала неумовимо меняться. Из полумрака стали выплывать массивные конструкции. Гладкие шпильки из матового металла тянулись вверх, изгибаясь под странными, чужеродными углами, словно стволы замерзших железных деревьев. Между ними раскинулись широкие многоярусные платформы.

На них не было ни привычных экранов, ни тумблеров, ни проводов — лишь идеально ровные поверхности, испещренные тончайшей геометрической вязью. Я присмотрелся: эти узоры складывались в самые сложные фракталы, в точности повторяя те самые «звуковые волны», из которых состояло исчезающее силовое поле над моей капсулой. Но если там это был купол, то здесь вязь покрывала целые монолиты. Я по-

нятия не имел, что это за механизмы, но их безупречные, огромные масштабы давили на психику. Вокруг не было ни одного следа человеческого присутствия — только мертвый, чужой конвейер.

Дыхание вырывалось изо рта бледными облачками пара. Холод окончательно пробил тонкую ткань комбинезона, заставляя зубы мелко стучать, а тело — бить крупной дрожью. Я почти перестал чувствовать пальцы на ногах, когда пульсирующие линии в полу начали сливаться воедино. Но вели они не к какому-то пульту управления или спасительному источнику тепла, как я инстинктивно надеялся.

Светящаяся артерия обрывалась у подножия широкой круглой платформы, слегка приподнятой над полом. Она состояла из концентрических колец матового металла, покрытых всё той же загадочной вязью. Ни дверей, ни коридоров дальше не было, только стена. Я остановился перед этой площадкой, обхватив себя дрожащими руками, совершенно не представляя, что делать дальше.

От безысходности и пробирающего до костей холода я сделал шаг вперед и встал прямо в центр площадки.

Платформа отреагировала моментально. Из-под ног вырвался низкий, вибрирующий гул, который я скорее почувствовал костями, чем услышал. Воздух на уровне груди пошел рябью, и передо мной развернулось голографическое окно.

В нем не было привычных пикселей, интерфейс состо-

ял из сотканных из света линий, образующих сложную многоуровневую схему, напоминающую карту созвездий. Большинство «звезд» и соединяющих их нитей оставались тусклыми, безжизненно-серыми, словно отключенные, разрушенные или заблокированные сектора. Но несколько символов — причудливых завихрений и геометрических рун мягко пульсировали приятным лилово-синим светом.

Я заворуженно уставился на эту вязь. Ни один из этих светящихся символов не вызывал в моем пустом разуме ни малейшей ассоциации. Никаких надписей, никаких понятных пиктограмм. Любой из этих синих огоньков мог оказаться генераторной, медблоком или шлюзом для сброса мусора прямо в открытый космос.

Но холод не оставлял времени на раздумья. Пальцы ног уже совсем онемели, а дрожь стала непрерывной, сковывая мышцы.

— Была не была, — хрипло прошептал я пересохшими губами и, протянув дрожащую руку, наугад ткнул в один из мерцающих синих рунических блоков на самом краю схемы.

Голограмма вспыхнула ярче. Мир вокруг смазался, звук схлопнулся в одну звенящую точку, а желудок подскочил к горлу, будто я провалился в невидимую шахту лифта.

Спустя долю секунды тошнотворный рывок прекратился. Тьма зала с капсулами исчезла.

Я стоял на точно такой же платформе, но в совершенно другом месте. Огромные панорамные окна или то, что их за-

меняло, открывали вид на непроглядную черноту, в которой не горело ни единой звезды. Помещение вокруг напоминало оранжерею или дендрарий, но все огромные растения в ней, тянущиеся к невидимому свету, давно превратились в мертвые, серые ледяные скульптуры. Холод здесь был еще более кусачим, пробирающим до самого сердца.

— Не угадал, — выдохнул я, наблюдая, как пар от моего дыхания оседает инеем в воздухе.

Голографическая схема все еще висела передо мной. Я поспешно коснулся другого синего символа, расположенного ближе к центру.

Снова звон в ушах и выворачивающий наизнанку рывок пространства. На этот раз меня выбросило в узкий, уходящий в бесконечность коридор. Его стены были сплошь покрыты ячеистыми структурами, похожими на исполинские металлические соты, внутри которых покоились почерневшие, оплавленные механизмы. И здесь тоже царил могильный холод.

Стиснув зубы, я потянулся к третьему символу — и в этот момент голограмма мигнула. Один из синих огоньков потух, превратившись в серый. Схема угасала. Сколько у меня попыток осталось? Пять? Две? Я коснулся третьего узла, не давая себе думать об этом.

Снова рывок пространства. Меня вышвырнуло с платформы. Я рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух, и рефлекторно зажмурился в ожидании очередного приступа.

Но его не последовало.

Пол под ладонями был теплым. Приятно согревающим, словно нагретый солнцем камень. Я открыл глаза и с облегчением выдохнул. Воздух здесь был пригодным для нормального дыхания, с едва уловимым ароматом, напоминающим запах свежести после дождя и сухих трав.

Сектор, в котором я оказался, разительно отличался от предыдущих залов. Я наконец-то попал в жилой комплекс. Мягкий, рассеянный свет лился прямо из панелей на потолке, освещая широкий, плавно изогнутый коридор. Он вел мимо десятков закрытых дверей. Как я вскоре выяснил, это были индивидуальные каюты экипажа. Чуть дальше располагалась просторная общая зона, являвшаяся также и столовой, и несколько залов со сложными конструкциями, которые мой разум инстинктивно классифицировал как тренировочные полигоны.

Мой желудок скрутило болезненным спазмом, есть хотелось неимоверно. Первым делом я направился в столовую, ну или тому помещению, которое выглядело ею. В одной из стен обнаружилась ниша с гладкой панелью. Никаких кнопок, никаких надписей. Стоило мне поднести руку к углублению в нише, повинуясь какому-то неясному мышечному рефлексу, как из скрытых пазов с тихим шипением выехал цилиндр с кристально чистой жидкостью и герметичный контейнер. Воду я выпил залпом. В контейнере оказался брикет сероватой массы. На вкус это напоминало плотную глину

или пластилин, но стоило проглотить первый кусок, как по телу разлилось мощное тепло. Энергия впитывалась в истощенные статисом мышцы.

Утолив голод, я отправился исследовать комплекс. В одной из пустых кают нашлась сменная одежда. Мой тонкий комбинезон отправился в угол, а его место заняли плотные темные брюки, облегающая дышащая туника и мягкие ботинки, которые сами затянулись по ноге, стоило их надеть. Завершающим штрихом стал широкий пояс с несколькими пустыми креплениями.

Но главным открытием жилой зоны стал тренировочный полигон. Я провел там несколько часов, методично проверяя свои физические пределы. Мое новое тело казалось мне совершенным. Подтягиваясь на балках, прыгая и нанося удары по упругим тренировочным манекенам, я поражался тому, с какой скоростью и точностью реагируют мышцы. Никакой усталости, никакой одышки. Гибкость, баланс, сила, ловкость и устойчивость — всё это находилось на уровне, недоступном обычному человеку. Моё новое тело было биологическим механизмом выверенным до микрона.

Я остановился посреди зала, тяжело дыша не от физической усталости, а от внезапно накатившего удушья совершенно иной природы. Я смотрел на свои ладони, сжимая и разжимая пальцы. Обычный человек, даже натренированный до предела, чувствует свои границы: микротравмы, тяжесть костей, сопротивление собственных связок. Я же ощу-

щал себя так, словно мои мышцы были сплетены из углеродного волокна, а вместо нервов проложены сверхпроводники. Моторика не ощущалась «наработанной» годами тренировок. Она ощущалась спроектированной.

Откуда это? Разум, лишенный воспоминаний, начал лихорадочно выстраивать теории. Генетически модифицированный солдат? Возможно. Но для какой войны создают такое оружие — и почему я очнулся один, среди тысяч пустых ниш? Где все остальные? Разум, лишённый прошлого, не умеет строить версии — он умеет только задавать вопросы, на которые нет ответов.

Эта мысль пробила брешь в моем холодном спокойствии. Острый, липкий ужас подкатил к горлу. Я сел на пол тренировочного зала, обхватив голову руками. Кто я?!

Я закрыл глаза и попытался вытащить из пустоты хотя бы один якорь. Улыбку матери. Тепло рук любимой женщины. Лицо друга. Запах родного дома. Ничего. Полный ноль. Без прошлого человек — это просто набор рефлексов. Я сжимал и разжимал кулаки. Пальцы слушались идеально, но эта чужая, готовая к взрыву сила пугала. Я чувствовал себя самозванцем, которого заперли в чужом, слишком дорогом скафандре. Тот жуткий утренний флешбэк со взрывом и Разломом... Было ли это моим воспоминанием? Или это предсмертный кошмар того, чье место я занял?

Не знаю, сколько я так просидел, раскачиваясь на полу зала. Постепенно паника отступила. Трясучка в коленях сме-

нилась глухой, тяжелой злостью. На себя, на этот чертов склеп и на тех, кто вычистил мою голову. Сидеть на полу и раскачиваться я больше не собирался.

Я опустил руки и открыл глаза. Взгляд снова обрел фокус. Хватит барахтаться в жалости к себе, иначе я действительно стану никем. Изувеченный разум жаждал ответов, а сверхчеловеческое тело требовало действия. Я встал. Колени слегка дрожали, ноги затекли от минутного бессилия на полу, но этого больше не повторится.

Я провёл в жилом модуле около недели. Первые дни тело поглощало всё моё внимание — боль в мышцах после тренировок, сон без сновидений, счёт потреблённых брикетов. Потом тело пришло в норму, и стало хуже. Тишина здесь была давящей, как толща воды над головой. Я начал разговаривать сам с собой. Не потому что сходил с ума, а чтобы проверить: мой ли это голос? Звучит ли он так, как должен звучать? Я не знал ответа. У меня не было точки сравнения. В блоке был бесконечный запас безвкусной пасты, вода и тепло, но остаться здесь означало медленно сойти с ума. К тому же, пару раз основное освещение тревожно мигало, напоминая, что резервы этой древней базы не вечны.

Я должен был уйти. Любому комплексу такого масштаба требуется узел связи, архив или командный центр, откуда можно получить доступ к картам сектора или журналам логов. Мне нужно было понять, где я нахожусь. Я благоразумно заучил визуальные очертания мерцающего синего симво-

ла, который привел меня в этот жилой блок, так что путь к отступлению у меня был.

Сделав глубокий вдох, я шагнул обратно на круглую площадку телепорта и, не давая себе времени на сомнения, потянулся к очередной неизвестной руне в центре голографической схемы.

Глава 2. Резонанс

Рывок пространства снова выбил воздух из легких, но в этот раз я устоял на ногах. Мое тело уже начало адаптироваться к жестокой физике перемещений. Звон в ушах постепенно стих, и я открыл глаза, ожидая увидеть ряды спящих консолей и панорамные экраны.

Но я ошибся. Телепорт не забросил меня внутрь.

Я стоял в конце длинного, широкого коридора, который разительно отличался от всего, что я видел на базе до этого. Стены здесь не были гладкими или изогнутыми — они состояли из массивных, перекрывающих друг друга броневых плит. Под потолком угрожающе замерли тяжелые многогранные конструкции. Даже без памяти я безошибочно узнал в них автоматические турели или излучатели. Я вошёл в шлюз безопасности. Идеальная зона поражения, созданная для того, чтобы превратить любого незваного гостя в пыль. Тот, кто проектировал базу, не был наивным: прямой телепорт прямо в сердце комплекса означал бы уязвимость.

Мое дыхание участилось. Я, стараясь не делать резких движений, сделал шаг вперед.

В ту же секунду мертвую тишину разорвал тихий, леденящий душу щелчок. Многогранные конструкции под потолком синхронно ожили и с легким жужжанием развернулись, наставив на меня темные зевы стволов. По телу свер-

ху вниз скользнул широкий, пульсирующий луч сканера. Я замер. Даже дышать перестал, уставившись в темные зевы стволов над головой. Сердце сделало три тяжелых удара в тишине. Пронесло или сейчас распылит? А затем орудия издали короткий подтверждающий сигнал и плавно вернулись в исходное положение. Система «свой-чужой» завершила анализ. Для этой базы я не был угрозой. Я был своим.

В конце коридора возвышались двери, но когда я подошёл ближе, оказалось, что это были широкие, монолитные ворота из незнакомого темного сплава, поглощающего свет. Никаких петель или швов. Только гладкая, холодная поверхность, испещренная уже знакомой мне геометрической вязью, напоминающей застывшие звуковые волны.

Перед воротами из пола выросал невысокий граненый постамент. Верхняя его часть была скошена и представляла собой идеально ровную пластину, над которой едва заметно мерцало золотистое поле.

Я подошел вплотную. Никаких привычных терминалов для ввода цифрового кода. Я осмотрел края огромных стволов в поисках считывателя магнитных карт, оптического сканера или хотя бы углубления для физического ключа, но ничего не нашел. Поверхность была цельной. Ворота выглядели так, словно могли выдержать прямой удар орбитального орудия.

Инстинкт, который спас меня в столовой жилого модуля, снова дал о себе знать. Моя рука, будто повинувшись чужой во-

ле, опасливо потянулась к мерцающему полю над постаментом.

Как только мои пальцы коснулись золотистого света, воздух вокруг сгустился. Врата издали низкий, вибрирующий гул. Я почувствовал этот звук не ушами, а грудной клеткой — он резонировал прямо в костях. Поверхность постамента ожила. От того места, где лежала моя ладонь, по темному металлу побежали светящиеся линии. Они устремились к вратам, заполняя выгравированные на них фракталы пульсирующим, лилово-синим светом.

Гул нарастал. Он начал синхронизироваться с биением моего сердца. На секунду мне показалось, что невидимые тиски сжали мою грудь — система «пробовала» меня на вкус, сканируя не только отпечатки пальцев, но и саму структуру моего тела, частоту моего пульса, а также ритм дыхания.

Доступ. Это слово вспыхнуло прямо в моем мозгу, принеся с собой секундную вспышку головной боли.

С тяжелым, вибрирующим скрежетом многотонные створки начали расходиться в стороны, открывая проход в абсолютную, непроглядную тьму Командного центра. Из открывшегося зева пахнуло вековым холодом и озоном. Я сжал кулаки, унимая легкую дрожь, и шагнул через порог.

За спиной с глухим, отсекающим звуком хлопком сомкнулись ворота. Отрезали меня от коридора. В ту же секунду под потолком с тихим потрескиванием ожили скрытые конту-

ры аварийного освещения. Свет был тусклым, бледно-янтарным, и зажигался секторами, словно система с трудом прогоняла энергию по застоявшимся магистралям. Только теперь тьма отступила, обнажая контуры Командного центра.

Вопреки моим ожиданиям, центр вовсе не напоминал те исполинские, подавляющие своими масштабами залы, через которые я шел в самом начале. Это было помещение средних размеров, в котором чувствовался строгий расчет и торжество прагматичной, высочайшей технологии. Тем, кто управляет звездными системами, не нужны лишние километры пустого пространства — им нужен контроль.

Зал имел форму правильного полукруга. Всю фронтальную стену занимали панорамные окна, но сейчас космоса за ними видно не было — стекла были наглухо перекрыты тяжелыми, сегментированными бронешторами, сливающимися в единый монолит.

Я прошел вдоль периметра, внимательно изучая обстановку. Вдоль стен полукольцом располагались рабочие станции для персонала. Перед каждой из них стояли изящные, эргономичные кресла, отлитые из единого куска темного полимера. Сами панели оказались идеально гладкими — ни единого физического тумблера, экрана или провода. Лишь знакомая матовая поверхность, покрытая тончайшей паутиной геометрических фракталов. Я провел рукой по одной из консолей. Металл был холодным и мертвым. Энергия сюда не поступала. На соседней панели в толстом слое серой пыли

виднелись отпечатки ладоней. Кто-то работал здесь последним. Интересно, успел ли он уйти.

Обойдя зал по кругу и убедившись, что здесь нет ни скрытых угроз, ни работающих терминалов, я наконец обратил внимание на центр помещения.

Там, на небольшом круглом возвышении, располагался главный командный пост. Он состоял из широкой консоли управления и массивного, внушительного кресла, конструкция которого казалась куда более сложной, чем у рабочих станций персонала. В изголовье и на подлокотниках виднелись углубления, похожие на нейронные коннекторы.

Но главным было другое. В отличие от мертвых боковых панелей, центральный пульт и массивное кресло, подавали признаки жизни. Вокруг них едва заметно дрожало и гудело золотистое силовое поле, отбивая вековую пыль. Оно слабо переливалось, издавая на границе слуха тот самый глубокий резонирующий гул, который я уже слышал у постаментов перед воротами.

Я сделал несколько шагов по ступеням возвышения и остановился перед креслом. Золотистое поле гудело, словно предупреждая. Я протянул руку, и барьер, опознав мою биологическую подпись, беззвучно разошелся в стороны, пропуская меня внутрь.

Я сел. Темный полимер мгновенно отреагировал, прогибаясь и обволакивая спину, будто вторая кожа. Подлокотники сомкнулись вокруг моих предплечий, а в затылок мягко,

но плотно уперся подголовник. Я почувствовал легкий укол в районе шеи — система подключилась к моей нервной системе. Мертвая гладь центральной консоли вспыхнула передо мной.

Отвечая на физический контакт с нейронными интерфейсами, кресло само спровоцировало глубокое сопряжение. Надо мной развернулась грандиозная трехмерная проекция. Это была карта сотен звездных систем, сплетенных мерцающими нитями маршрутов. Я смотрел на неё несколько секунд, пытаясь найти хоть что-то знакомое — характерное созвездие, привычное расположение звёзд. Ничего. Это было небо совершенно другого угла вселенной. Я не знал даже, где здесь центр. Всё это великолепие перекрывалось десятками всплывающих окон, состоящих из светящихся геометрических фракталов. Символы двигались, пульсировали, меняли форму, перетекая из одной руны в другую.

Я смотрел на них, пытаясь зацепиться хоть за какую-то логику. Пустота. Мой мозг воспринимал это как красивый, но бессмысленный визуальный шум. Я понятия не имел, как убрать эти окна, как открыть внешние бронешторы или запросить статус базы.

В этот момент тревожно пульсирующий красным цветом фрактал прямо по центру панели сам пошел на сближение, требуя подтверждения протокола. В затылок коротко и страшно ударило током. Проекция перед глазами смазалась в белую вспышку, череп словно сжало тисками. Я ин-

стинктивно попытался рвануться назад, но кресло держало намертво.

Консоль залилась пульсирующим тревожным светом. Низкий гул сменился пронзительным, вибрирующим звуком — так, наверное, звучала древняя сирена. Система зафиксировала критическое несоответствие: тело командира запрашивало данные, а его разум отторгал их.

Внезапно сирена оборвалась.

Из скрытого паза в центре пульта ударил плотный луч мягкого серебристого света. Он рассыпался в воздухе тысячами искр, которые начали быстро собираться в единый силуэт. Боль в затылке исчезла, но что-то осталось. Не звук и не образ — ощущение, что в моей голове только что побывал кто-то чужой и ушёл, не закрыв за собой дверь. Хватка кресла ослабла.

Передо мной, прямо над пультом управления, парила голограмма.

Это была девушка. Ее черты казались почти человеческими, но обладали той безупречной симметрией, которую не встретишь в природе. Длинные, сотканые из света волосы плавно колыхались, словно в невесомости, а одежда напоминала сложную вязь тех самых фракталов, которыми был описан весь комплекс.

Она открыла глаза. Они были чистыми, сияющими провалами без зрачков и радужек. Девушка посмотрела прямо на меня, склонила голову набок, словно изучая редкое насе-

комое, и разомкнула губы.

По залу прокатилась серия мелодичных, сложных аккордов, переплетающихся с вибрирующими звуками, похожими на пение китов.

Я лишь тяжело дышал, вцепившись в подлокотники кресла, и непонимающе смотрел на нее.

Глава 3. Дочь Древних

Мелодичные переливы и вибрирующие аккорды всё ещё висели под сводами зала, отражаясь от глухих бронештор. Я судорожно сглотнул, пытаюсь унять колотящееся сердце. Голограмма девушки парила над пультом, выжидающе глядя на меня своими сияющими глазами без зрачков.

— Я... я не понимаю тебя, — мой собственный голос прозвучал сухо и хрипло. С момента пробуждения это были первые слова, произнесенные мной вслух.

Услышав мою речь, девушка слегка нахмурилась. Ее сотканые из света брови сошлись на переносице. Она плавно подняла руку, и от ее ладони отделился широкий, прохладный луч бледно-голубого света, который прошел сквозь меня. Я не почувствовал физического касания, но по затылку пробежал неприятный холодок — кресло сканировало мою нервную систему.

Голограмма утвердительно кивнула сама себе. Воздух между нами замерцал, и в нем появилась трехмерная проекция человеческого мозга. Моего мозга. Тонкий световой палец девушки указал на речевые центры — они пульсировали тревожным серым цветом, показывая почти полное отсутствие нужных нейронных связей для дешифровки их языка. Мое тело было идеальным, но разум внутри оставался чужеродным, «пустым».

Девушка снова посмотрела на меня, затем перевела взгляд на консоль. Один из небольших фрактальных узоров на краю панели, до этого тусклый, загорелся мягким синим светом. Она указала на него, затем на меня, а после — плавно коснулась двумя пальцами своего виска.

Ее жест был предельно понятен. Я должен был дать системе разрешение на загрузку данных.

Учитывая прошлую попытку, когда кресло едва не выжгло мне мозги, повторять этот опыт совершенно не хотелось. Но выбора не было. Языковой барьер делал меня слепым и глухим щенком в центре колоссального механизма.

Я стиснул зубы, вжался в спинку кресла и нажал на синий символ.

В ушах противно, на высокой ноте пискнуло. На секунду показалось, что челюсти плотно сомкнулись сами собой, а перед глазами с бешеной скоростью полетел калейдоскоп из букв, звуков и чужих интонаций. Две секунды тошнотворного давления в висках — и всё стихло.

Пару минут я просидел молча, прислушиваясь к своим ощущениям, затем с трудом разлепил веки, тяжело дыша.

— ...теперь частота синхронизирована. Ты меня понимаешь? — голос девушки больше не был набором китовых песен и переливов струн. Он звучал чисто, невероятно мелодично, с едва уловимым металлическим эхом.

— Понимаю, — выдохнул я, поражаясь тому, как легкой собственной речевой аппарат выстраивает сложные, пе-

вучие звуки чужой речи.

— Твой разум сильно поврежден, — констатировала она, склонив голову. В ее голосе не было машинной сухости, скорее отстраненное исследовательское любопытство. — Физический сосуд обладает высшим рангом доступа, но ментальная матрица рассинхронизирована. Ты не помнишь себя?

— Ничего не помню, — честно признался я, с облегчением осознавая, что кресло ослабило хватку. — Кто ты? ИИ этой базы?

Девушка выпрямилась. В ее позе появилось странное, почти аристократическое достоинство.

— Я — Селеста Вал'Ария. И я не искусственный интеллект в вашем понимании. Мое сознание было оцифровано и помещено в Резонансное Ядро комплекса. Я была живой... очень давно.

Она сделала паузу, внимательно изучая мое лицо.

— Я интегрировала в твое сознание языковой пакет базового уровня. Однако, — она указала на горящую панель консоли, — не пытайся взаимодействовать с основной метрикой интерфейса.

Я опустил взгляд на трехмерную карту и россыпь голографических окон. К моему глубокому разочарованию, символы так и остались бессмысленной геометрической вязью. Ни один фрактал не превратился в понятный текст или пиктограмму.

— Почему я до сих пор не могу прочесть это? — спросил

я, чувствуя укол раздражения. Я надеялся, что загрузка даст мне полный контроль.

— Устная речь — это лишь звуковая вибрация, поверхностный слой данных, — спокойно ответила Селеста. — Твой мозг легко его адаптировал. Но наша письменность и интерфейс управления строятся на многомерном резонансе. Чтобы читать их, нужно понимать структуру пространства на уровне инстинктов, а твои когнитивные пути для этого закрыты. Если я попытаюсь загрузить в тебя этот объем знаний прямо сейчас, твое сознание сгорит от перегрузки.

Я кивнул, принимая эту логику. Ограничения были справедливыми. Я мог общаться, мог слышать ее, но самостоятельное управление базой по-прежнему оставалось недоступным.

— Значит, пока ты — мои глаза, Селеста, — я посмотрел на переплетение звездных маршрутов над пультом. — Где мы находимся? И кто такие «вы»?

Селеста грациозно взмахнула рукой. Ее пальцы, сотканые из мягкого серебристого света, прошли прямо сквозь трехмерную проекцию. Звездная карта над пультом пришла в движение, галактические рукава закружились, сливаясь в единый водоворот, пока система не выделила один изолированный, погруженный во тьму сектор.

Вокруг него мерцала плотная энергетическая граница, похожая на сплошную стену тумана.

— Мы находимся здесь. В Секторе Эхо, — ее голос эхом

отразился от стен Командного центра. — В ваших базах данных, если от них хоть что-то осталось, это место может числиться под названием «Вуаль». Закрытый, запечатанный на материальном и энергетическом уровне рукав вселенной.

— Кто такие «мы»? — повторил я свой второй вопрос.

— Этерианцы, — Селеста на секунду отвела взгляд, и её голос впервые потерял свою ровную мелодичность. — Первые Архитекторы.

Её силуэт качнулся, мерцающие ладони замерли над центральной консолью, где пульсировал биометрический профиль моего тела.

— Система идентифицировала твой аватар по генетической сигнатуре, — она посмотрела на меня в упор, и в её цифровых глазах промелькнуло что-то пугающе человеческое. — Ты носишь его тело, а значит — и его имя. Мы не так просто путешествовали среди звезд, Тайрус...

Услышав это имя, я вздрогнул. По затылку полоснуло странное, чужеродное чувство. Имя прозвучало так естественно, словно всегда принадлежало мне, но в то же время резануло слух, как скрежет пенопласта по стеклу.

— Я не... — начал было я, но горло перехватило. Возражать генетическому сканеру мертвой цивилизации было глупо.

— Мы управляли самой метрикой пространства, — продолжила Селеста, не заметив моей попытки заговорить. Она говорила одержимо, глядя сквозь меня. — Строили миры,

настраивали физические законы как музыкальные инструменты. Но наша гармония привлекла тех, кто питался хаосом. Мы называли их Роем Искажения.

Она сделала шаг вперед, и её голос упал до шепота:

— Против нас шла вовсе не армия, Тайрус. К границам обитаемых систем подступал анти-резонанс. Дикая, слепая опухоль на теле Вселенной, пожирающая сами законы физики.

Голограмма девушки плавно спустилась по воздуху чуть ниже, оказавшись на уровне моих глаз. Я невольно отступил на полшага, но тут же заметил: как только она отдалилась от центрального проектора в пульте, края ее светящегося силуэта начали едва заметно рябить и рассыпаться на искры. Она была привязана к этому месту невидимым поводком. Вся её великая власть заканчивалась на границе фокусного луча.

— Началась война, которую мы не могли выиграть, — тихо сказала она, и сквозь багровые помехи на её лице проступило глухое, вековое отчаяние. — Великое Угасание. Когда стало ясно, что мы теряем реальность за реальностью, Высшие Архитекторы приняли решение уйти. Покинуть эту плоскость бытия.

— И бросить всё это? — тихо спросил я, обводя взглядом заброшенный комплекс.

— Прежде чем уйти, они создали Аванпост «Эхо», — Селеста качнула головой, игнорируя мой упрек. Искры у её ног вспыхнули ярче. — Этот комплекс — не военная база. Пе-

ред тобой огромный генетический и технологический сейф. Хранилище резервных аватаров и оцифрованных разумов, оставленное на случай, если наш мир когда-нибудь можно будет исцелить.

Я откинулся на спинку кресла, переваривая услышанное. Пазл начал складываться, но его центральная деталь всё ещё зияла черной дырой.

— Ты назвала меня Тайрусом .

— Потому что это имя твоего тела, — Селеста посмотрела на меня своими бездонными, светящимися глазами. — Тайрус Эл'Тарион . Один из Высших главнокомандующих нашего флота. Твой сосуд — это точный клон, шедевр биоинженерии , который ждал своего часа в стазисе. Оригинальный Тайрус должен был перенести свое сознание сюда в случае гибели в бою.

— Но он не перенес, — хрипло закончил я за нее. Перед глазами снова фантомом вспыхнул тот обрывок чужой памяти: слепящий фиолетовый свет, крики о метрике и разрывающий грудь вакуум.

— Рой Искажения применил свое самое страшное оружие. Мы называли его Нейронный Разлом. Оно не только убивало тело, но и разрывало саму связь между сознанием и материей, — Селеста попыталась сделать шаг ко мне, но ее нога подернулась цифровой рябью, и она вынужденно замерла. — Душа Тайруса не смогла вернуться в Аванпост. Аватар остался пустым. До тех пор, пока в него каким-то немисли-

мым образом не попало твоё сознание. Чужак в теле мертвого бога.

В зале повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь тихим гудением резонансного поля. Я посмотрел на свои руки — руки главнокомандующего древней, всемогущей расы. Теперь понятно, откуда эта сила, идеальные рефлексy и допуск к системам безопасности. Я действительно «скачанный файл», по ошибке загруженный в чужой сверхмощный компьютер.

— А ты? — я поднял на нее глаза. — Если это сейф, то почему ты не спишь, как все остальные тела?

Голограмма Селесты потускнела. Ее идеальные плечи слегка опустились.

— Мое тело было уничтожено до того, как мы успели создать аватара. Мой отец... успел лишь скопировать мою нейронную матрицу в Резонансное Ядро комплекса. Я заперта в архитектуре этой базы уже тысячи лет. Я — призрак, Тайрус. Голограмма, способная существовать лишь там, где есть узлы проекции.

Я смотрел на эту сияющую девушку, чувствуя странный укол солидарности. Мы оба были призраками. Я — разум без тела и прошлого, застрявший в чужой плоти. Она — душа без тела, запертая в древнем механизме.

— Мы это исправим, — неожиданно для самого себя твердо сказал я. — Ты не останешься привязанной к этой консоли вечно.

Селеста удивленно моргнула. На секунду ее голографический силуэт дрогнул, словно эмоции могли влиять на стабильность проекции. Затем она грустно, почти по-человечески улыбнулась.

— Это смелое обещание для того, кто даже не помнит своего имени, — мягко произнесла она. — Мое сознание зашифровано в Резонансном Ядре. Оно физически находится на нижних уровнях базы, под надежной защитой. Если ты извлечешь его, я усну. Чтобы я могла существовать, мыслить и говорить, Ядро нужно подключить к достаточно мощному вычислительному контуру и системе голографических проекторов. Здесь, на базе, эта сеть встроена в стены. За ее пределами я буду мертвым куском металла.

— Значит, нам понадобится корабль, — уверенно ответил я, сам удивляясь своей прагматичности. — Корабль Этерианцев, способный принять твое Ядро. База ведь не могла быть построена без транспортных узлов или ангаров?

— Верфи есть, — кивнула Селеста, обдумывая эту мысль. — Но давай решать проблемы по мере их поступления. Прежде чем спасать меня, нам нужно понять, кто будет это делать. Твой разум пуст, но тело хранит отпечатки. Возможно, база данных поможет тебе... или хотя бы объяснит, какими способностями ты обладаешь.

Она развернулась к консоли и сделала неувловимый жест изящными светящимися пальцами. Трехмерная карта космоса свернулась, и прямо передо мной вспыхнул массивный

голографический блок, испещренный золотистыми геометрическими фракталами. Для меня это по-прежнему оставалось красивой, но нечитаемой абстракцией.

— Переведи, — попросил я.

Селеста долго смотрела на вспыхнувший блок, прежде чем заговорить. Когда она начала, в её голосе не было официального тона архивариуса — только что-то очень тихое. — Тайрус Эл'Тарион . Высший Архитектор Войны. Главнокомандующий Авангарда. — Короткая пауза. — Его генетический код классифицировался как "Альфа-Резонанс". Абсолютная чистота. Таких, как он, больше не было.

Она провела рукой по воздуху, и фракталы сменились объемным изображением. Я увидел свое лицо. Точнее, лицо того, чье место я занял. Строгие черты, тяжелый волевой подбородок. Взгляд у этого парня был такой, будто он сквозь тебя смотрит на расстрельную команду . На голограмме он был облачен в сложный, переливающийся доспех, состоящий из темных пластин и светящихся контуров.

— Он был... великим, — в голосе Селесты проскользнули нотки благоговения. — Тайрус командовал флотами иначе. Он чувствовал пространство. Его дар заключался в способности локально сжимать и растягивать метрику времени. Он мог замедлять вражеские залпы или ускорять свои корабли, создавая тактические шедевры из ничего. Последняя запись в логе... — Селеста нахмурилась, вглядываясь в меняющиеся символы. — Битва у Рубежа Безмолвия. Тайрус приказал

флоту отступить с гражданскими ковчегами, а сам остался на флагмане, чтобы удерживать брешь против надвигающегося Роя Искажения. Ожидаемый исход: полное уничтожение и перенос сознания в резервный аватар на Аванпосте «Эхо».

Рубеж Безмолвия.

Слова ударили по ушам, словно спусковой крючок.

В глазах потемнело. Командный центр базы исчез, вычеркнутый из реальности вспышкой ослепляющего, физически болезненного света.

Я стою на мостике. Но это не крошечный зал управления базы — это колоссальная палуба, уходящая вдаль. Под моими ногами дрожит палуба флагмана. Впереди, сквозь гигантский обзорный экран, я вижу как космос гниет. Звезды гаснут одна за другой, затягиваясь пульсирующей, маслянистой чернотой Роя. Это не корабли врага. Это сама ткань вселенной скручивается, издавая вибрирующий, сводящий с ума скрежет. Мои руки вцепляются в подлокотники кресла с такой силой, что темный полимер трещит. Я чувствую вкус крови на губах. «Отвести энергию на генераторы метрики! — мой собственному голос, властный и отчаянный, разносится по мостику. — Сжать пространство вокруг ядра! Пусть подавятся!» А затем в центре черноты вспыхивает тот самый слепящий фиолетовый разлом. Он тянется ко мне, пробивая энергетические щиты, пробивая броню, пробивая сам мой разум...

— Тайрус!

Я резко дернулся, тяжело хватая ртом воздух. Пальцы до боли впились в подлокотники моего нынешнего кресла. По лицу катился холодный пот, а сердце отбивало бешеный ритм. Голограмма Селесты парила в полуметре от моего лица, ее светящиеся глаза были широко раскрыты.

— Пульс превысил критическую отметку, — тревожно произнесла она. — Что ты видел?

— Смерть, — хрипло выдохнул я, пытаюсь унять дрожь в руках. — Его смерть. Мою смерть. Не знаю. Ощущение было таким, словно меня разорвали на атомы. Этот Рой... это невозможно описать. Это чистый ужас.

Я откинулся на подголовник, прикрыв глаза. Тело Тайруса Эл'Тариона помнило всё. Мышечная память, рефлексy, даже осколки эмоций в момент гибели были вшиты в нейронные сети этого идеального мозга. Я был не случайным пассажиром. Я понял, что ходить мне теперь придется по минному полю. Память Тайруса была вшита в этот мозг намертво, и любое случайное слово могло снова швырнуть меня в его предсмертный кошмар.

— Твой разум адаптируется, — задумчиво произнесла Селеста, немного отстраняясь. — Фрагменты матрицы оригинального Тайруса просачиваются в твое сознание. Это мучительно, но это... дает надежду. Если ты сможешь переварить его опыт, не сойдя с ума, ты получишь доступ к его дару. Ты сможешь управлять Резонансом.

Я открыл глаза. Несколько секунд дышал, пережидая, по-

ка сердце выберется обратно из горла. — Если я не сойду с ума, — наконец произнёс я. — Обнадёживающая перспектива.

Селеста хотела что-то ответить, возможно, попытаться меня успокоить, но осеклась.

Ее светящийся силуэт дрогнул, по нему пробежала волна статических помех. Золотистое силовое поле вокруг моего кресла тревожно вспыхнуло и изменило тональность гудения, перейдя на низкий, вибрирующий рык.

— Что происходит? — я мгновенно подобрался, чувствуя, как идеальные мышцы тела Тайруса рефлексивно напрягаются, готовясь к бою. — Рой?

— Нет, — голос Селесты дрожал, лишившись своей мелодичной плавности. Она смотрела поверх моего плеча, в сторону запечатанных врат Командного центра. — Датчики внешнего периметра... Этого не может быть. Система фиксирует органику. Высочайшая плотность Резонанса.

Я резко развернулся в кресле.

Из-за бронированных створок, которые, казалось, могли сдержат ядерный взрыв, донеслись тяжёлые, размеренные шаги. Кто-то шёл по шлюзу безопасности, и автоматические турели, которые чуть не испепелили меня, молчали. Точнее, они не бездействовали — они выдали короткий, едва слышимый сигнал подтверждения высшего приоритета доступа, признавая в новоприбывшем кого-то, кто стоял неизмеримо выше меня в иерархии этой мертвой базы.

Спустя секунду монолитные ворота с протяжным, мучительным стоном металла начали медленно расходиться в стороны, впуская в зал холод и фигуру того, кого на этой мертвой базе быть не могло.

Живого.

Глава 4. Смотритель

Врата разошлись до конца, и тяжелый гул их механизмов стих, уступив место звенящей тишине.

На пороге Командного центра стоял человек. По человеческим меркам ему можно было дать лет сорок пять — не больше. Широкие плечи, прямая осанка существа, привыкшего к собственной силе, а не к военной дисциплине. Густые темные волосы тронула серебристая седина на висках, а на лице лежали глубокие, резкие морщины. Взгляд человека, который слишком долго прожил в одиночестве и разучился доверять кому бы то ни было. Он был одет в практичную тунику и плотные брюки, поверх которых был накинут тяжелый, потертый плащ. Ничего лишнего. Человек, которому давно не нужно ничего доказывать.

Но главное было в его глазах. Они светились тем же мягким светом, что и у Селесты, только в них не было ни капли цифровой отстраненности. Это был взгляд живого существа, повидавшего рождение и смерть звезд.

Мужчина сделал шаг внутрь. Его взгляд мгновенно сфокусировался на мне, сидящем в командирском кресле.

Я попытался встать, чтобы поприветствовать его или хотя бы показать, что не представляю угрозы, но не успел даже оторваться от спинки.

Воздух в зале стал плотным как свинец. Пространство во-

круг меня искажилось, издавая низкий, вибрирующий гул. На плечи словно рухнула бетонная плита — невидимая, но вполне реальная. Грудь сдавило так, что ребра затрещали, а из легких выбило остатки воздуха.

Мои колени подогнулись, и я рухнул обратно в кресло. Дыхание перехватило. Казалось, гравитация в этой точке пространства увеличилась в сотни раз, стремясь расплющить меня, превратить в кровавое пятно на полимере.

— Похититель оболочек, — голос незнакомца был тихим, но он раскатился по залу как гром. — Паразит, забравшийся в пустой сосуд. Выйди из этого тела, тварь Роя, или я выжгу твоё сознание дотла!

Мужчина шел ко мне. С каждым его шагом давление возрастало, воздух вокруг меня закипал, искажаясь оптическими иллюзиями. Золотистое силовое поле вокруг кресла вспыхнуло, пытаясь защитить меня, но под напором чужого Резонанса оно лопнуло, осыпав пол искрами. Смертоносная волна чужой воли ударила прямо в мой мозг. Я почувствовал, как чужой разум, острый и холодный, как хирургический скальпель, пытается поддеть мое сознание, чтобы вырвать его из нервных узлов тела.

Перед глазами заплясали багровые пятна. Я задыхался. Мой собственный человеческий разум запаниковал, готовый сдаться и отступить в небытие. Но тело... тело Тайруса Эл'Та-риона отреагировало иначе.

Внутри, где-то на уровне рефлексов, включилось бешен-

ное сопротивление плоти. Тело Тайруса наотрез отказалось ломаться. Пальцы со скрежетом впились в тёмный полимер подлокотников, и я заставил себя поднять голову. Из моих ноздрей потянулись тонкие струйки крови, но я встретил взгляд незнакомца яростным оскалом.

Незнакомец удивленно нахмурился, шаг его замедлился. Он усилил нажим, и в этот момент в моем черепе прорвало плотину. Навстречу чужому давлению изнутри рванул горячий ответный импульс. Пространство между нами пошло ломаными оптическими волнами, воздух грохнул, словно от близкого удара молнии, а лампы под потолком испуганно замигали.

И тут меня снова швырнуло в воспоминание — короткое, как удар молнии, но яростное и концентрированное.

Полигон под черным небом неизвестной планеты. Я стою, широко расставив ноги, а против меня — трое элитных бойцов в тяжелой броне. Мое тело расслаблено. Они одновременно вскидывают излучатели. Вспышка. Но, вместо того чтобы бежать, я делаю глубокий вдох и... сжимаю пространство перед собой. Летящие в меня плазменные сгустки замедляются, вязнут в уплотнившейся метрике вакуума, превращаясь в неподвижные огненные капли. Я делаю шаг в сторону, лениво выходя из линии огня, и отпускаю ментальный хват. Время возвращает свой ход, и залпы послушно улетают в пустую стену позади меня. Знакомый голос — молодой, ещё без седины на висках — доносится с трибуны: «Велико-

лепный контроль, командующий Тайрус».

Я вынырнул из флешбэка, задыхаясь, неспособный вытолкнуть из перехваченного горла ни звука. Эта ментальная картинка послужила идеальной матрицей. Мой слабый, человеческий разум не умел управлять Резонансом, но он только что увидел инструкцию. Повинуясь инстинкту из воспоминания, я мысленно выставил перед собой щит, уплотняя метрику пространства вокруг кресла. И в этот же миг неосознанный, отчаянный ментальный импульс — само имя погибшего командира, прозвучавшее в моей голове как громовой раскат, — сорвался с синаптических цепей и ударил наружу: Тайрус!

Незнакомец споткнулся на ровном месте. Направленная на меня невидимая плита врезалась в мой свежесозданный барьер. Воздух между нами грохнул, словно от близкого разрыва гранаты. Нас обоих отшатило друг от друга. Он тяжело задышал, его светящиеся глаза расширились от изумления. Я удержал удар живого Этерианца.

Но цена была огромной. Мой нетренированный мозг тут же отозвался дикой, ослепляющей болью. За эту сиюминутную победу я заплатил нейронным перегревом. Перед глазами всё поплыло, барьер начал быстро таять.

А незнакомец, оправившись от шока, на секунду замер, оглушенный ментальным эхом. Однако боевой транс и тысячелетний опыт взяли верх. Расценив этот импульс как коварную уловку врага, он снова начал поднимать руку, окутыва-

ющуюся смертоносным сиянием. Я понимал: второго штурма я не выдержу, моя ментальная матрица разлетится в прах.

И именно в этот критический миг между нами метнулась серебристая тень.

— Валтур, стой! — крик Селесты раздался на весь зал, и ее голографический силуэт закрыл меня собой.

Мужчина не сразу распознал преграду. В пылу боевого транса он принял внезапное мерцание за очередную иллюзию захватчика плоти. Его рука, объятая разрушительной энергией, совершила рубящее движение, и смертоносное сияние едва не выжгло узлы проектора, готовое развеять голограмму в прах. Лишь в самую последнюю долю секунды, когда сквозь пелену ярости проступили уникальные фрактальные паттерны и знакомые черты лица, Валтур сумел погасить импульс. Его рука дрогнула. Давление, расплющивающее меня по креслу, исчезло так же, как и появилось. Я судорожно втянул воздух закашлявшись и массируя виски.

Незнакомец ошеломленно смотрел на светящуюся девушку. Линии его сурового лица дрогнули, усталость на секунду уступила место искреннему, глубокому потрясению.

— Селеста? — его голос потерял стальную жесткость. — Дочь Вал'Арии? Но... как? Ядра памяти были запечатаны.

— Этот человек активировал центральную консоль, — Селеста плавно опустилась перед ним. — Валтур, послушай меня. Он не из Роя Искажения. И он не по своей воле занял этот аватар. Нейронный Разлом убил оригинального Тайру-

са, но оставил канал открытым. В этот сосуд затянуло блуждающую душу. Его память чиста.

Валтур — так, кажется, назвала его Селеста — перевел тяжелый взгляд с голограммы на меня. В нем больше не было ярости, только холодная оценка и какая-то горькая обреченность. — Блуждающая душа в теле величайшего тактика Этерианцев, — глухо произнес он. — Какая злая ирония вселенной.

Он опустил на ступени перед командирским постом с той неторопливостью, которая бывает только у существ, для которых время давно перестало быть дефицитом.

— Я — Валтур Кор'Дарен. Смотритель Аванпоста «Эхо», — произнес он, глядя на меня. — Когда наши собраты ушли за грань реальности, чтобы спастись от Великого Угасания, кто-то должен был остаться присматривать за колыбелью. Там, куда они ушли, время течет иначе. Они живут в вечности, словно в стазисе. А я выбрал материальный мир и долг Смотрителя. Пока мои братья выстраивали свое бесконечное пристанище, я нес дозор здесь, в скрытых анклавах за мембраной пространства. Это безопасный карман, изолированный от внешнего хаоса. Но когда ты коснулся центральной консоли, аварийный маяк Аванпоста пробил интервальный барьер. Этот мощный всплеск Резонанса выдернул меня сюда. Обесточенная база ослепла, ее внешние сканеры давно вышли из строя, но такой зов я пропустить не мог.

— Ты был знаком с моим отцом, Валтур, — тихо сказала

Селеста, присаживаясь рядом с ним в воздухе.

Смотритель кивнул, и на его лице мелькнула печальная улыбка. — Я помню тебя еще ребенком, Селеста. Твой отец, Высший Архитектор, гордился бы тем, какой сильной ты стала. Мы думали, что этот сектор навсегда останется склепом нашей цивилизации.

Валтур снова посмотрел на меня. — Я пришел сюда, чтобы уничтожить мародера. А нашел призрака в теле моего старого командира.

Я вытер пот со лба и наконец смог выпрямиться в кресле. — Мне жаль, что я не он, — искренне ответил я. — Я не просил об этом теле. Но раз уж я здесь... нам нужно выбирать. Селеста сказала, что если мы найдем корабль, то сможем забрать ее матрицу с собой. У вас ведь есть корабль?

Валтур Кор'Дарен выпрямился, поправив тяжелый плащ. Его движения были грациозными, точными, лишенными малейших признаков усталости. — Корабль есть, — спокойно произнес Смотритель. — На орбитальной верфи, прямо в серой зоне для любых внешних радаров, законсервирован линкор древней постройки. Но не обольщайся, чужак. Сейчас это мертвый, холодный летающий осколок прошлого. Да, его базовые конструктивные особенности и ходовые технологии превосходят всё, что смогли построить нынешние обитатели галактики за тысячи лет. Но корабль полностью обесточен. Нам придется активировать его и переоснастить под современные реалии, а главное — вернуть ему команду, которая

заперта в капсулах стазиса. Без экипажа эта колоссальная гора этерианского сплава — не более чем памятник ушедшей эпохе. И чтобы оживить этот памятник, тебе придется доказать, что ты достоин занять место в его капитанском кресле.

Глава 5. Настройка частоты

Валтур не стал терять времени. Разговор о линкоре оборвался так же резко, как и начался. Смотритель подошел к центральной консоли, и его пальцы, двигаясь с молниеносной быстротой, начали касаться матовых панелей. Фракталы под его руками вспыхивали глубоким, ровным синим светом. База слушалась его беспрекословно, будто была продолжением его собственного тела.

— Чтобы командовать кораблем Этерианцев, тебе нужно хотя бы видеть мир так, как видим его мы, — произнес Валтур, не оборачиваясь. — Языковой пакет, который загрузила Селеста, — это детская игрушка. Сейчас я открою твои когнитивные центры для восприятия метрики. Будет больно. Намного больнее, чем в первый раз. Если твой разум не выдержит и разорвется — что ж, значит, вселенная совершила ошибку, забросив тебя в этот сосуд.

Я сглотнул вязкую слюну, поудобнее перехватил подлокотники кресла и мрачно кивнул.

Голограмма Селесты тревожно мерцала в стороне. Она хотела что-то сказать, но Валтур уже опустил ладонь на центральный рунический блок.

Мир не просто померк — он разорвался на тысячи крошечных кусков.

В затылок, ломая кости и выжигая синапсы, хлынул рас-

каленный свинец чистой информации. Я закричал, но вместо крика из горла вырвался лишь хриплый, удушливый кашель. Мое зрение сошло с ума. Янтарный свет Командного центра исчез, сменившись дикой, режущей сеткой из светящихся силовых линий. Картинка ломалась и троилась. Мозг не успевал переводить этот цифровой шум в смыслы — меня затапливало чужими частотами, от которых выворачивало желудок. Стены базы, консоли, фигура Вальтура — все это превратилось в звенящий, вибрирующий шум, который плавил мои мысли. Меня тошнило, сознание судорожно цеплялось за остатки человеческого «я», но волны Резонанса заливали разум, превращая любую логику в кашу.

Я ослеп от избытка данных. В ушах свистел ветер чужих частот. Я чувствовал, как нейронные цепи аватара перегреваются, готовые вспыхнуть и превратить мой мозг в пепел.

И именно на грани этого безумия, когда я уже готов был сдаться и провалиться во тьму, из самого дна ДНК Тайруса Эл'Тариона, словно испуганный зверь, вынырнул пласт чужой памяти. Он подмял под себя хаос базы, выстраивая перед моими глазами четкую, осязаемую картину прошлого.

Темный, исполинский док секретной орбитальной станции. Вокруг суетятся сотни дронов-строителей, их ремонтные лучи режут обшивку колоссального корабля. Корпус линкора изуродован, на левом борту зияет страшная, оплавленная рана — след от тарана сущности Роя Искращения в предыдущем секторе. Я стою на обзорной платформе, тяже-

ло опершись на перила. Рядом со мной — главный инженер верфи. — Он выдержит еще один бой, Командующий? — тихо спрашивает инженер. — Нет, — отвечаю я чужим, глубоким и властным голосом. — Рой зажимает нас в кольцо у Рубежа Безмолвия. Там мы дадим последний бой. А этот корабль... Снимите с него все тактические маркеры. Заприте реакторы. Уводите его в закрытый Сектор Эхо, под защиту Вуали. Если наш основной флот погибнет, эта вселенная не должна потерять технология автономного варпа. Этот линкор — наш последний шанс на реванш в будущем. Я смотрю на черную, изошрённую геометрию поврежденного флагамена Авангарда. На его носовой броне слабо мерцает выжженное символами имя: «Меридиан Зеро» ...

— «Меридиан... Зеро» ... — хрипло, давясь кровью, вытолкнул я из себя слова в реальности. В ту же секунду Валтур резко рванул руку назад, разрывая контакт с консолью.

Ментальное давление исчезло. Я мешком вывалился из кресла прямо на колени. Из носа и ушей текла теплая кровь, ладони скользили по гладкому полу. Голова раскалывалась так, словно в череп вкручивали ржавые болты, а перед глазами все еще плыли цветные круги. Понимание того, что произошло, давалось с жутким трудом — мой человеческий разум отчаянно пытался переварить то, что он только что увидел и узнал. Я едва соображал, где нахожусь.

Валтур Кор'Дарен застыл. Лицо Смотрителя словно окаменело, а светящиеся глаза сузились, намертво сфокусиро-

вавшись на мне. Желваки заходили ходуном — этот третий ветеран выглядел так, будто его только что ударили под дых.

— Как... как ты назвал корабль? — тихо, с придыханием спросил он, опускаясь передо мной на одно колено.

— «Меридиан Зеро» ... — я вытер рукавом кровь под носом, с трудом фокусируя взгляд на его лице. — Экспериментальный флагман... Тайрус спрятал его здесь перед тем, как уйти на Рубеж Безмолвия. Он хотел сохранить варп-двигатель.

Валтур долго молчал, всматриваясь в меня с каким-то странным, суеверным трепетом. Мое знание этого строжайшего военного секрета окончательно сломало его скепсис. Для Смотрителя я больше не был «блуждающей душой» или паразитом. Я стал преемником. Мой разум смог вытащить из глубин аватара то, что было доступно только покойному генералу.

— Значит, это действительно ты, Командующий... — глухо произнес Валтур, и в его голосе впервые прозвучало некое подобие преданности. — По крайней мере, твоя часть. Тайрус Эл'Тарион вернулся, пусть и в таком странном виде. Что ж. Если этот корабль на орбите, у нас появляется призрачный шанс. Но радоваться рано. Консервировать на этой базе нечего, она и так еле функционирует на остаточных контурах. Оставлять ее мертвым грузом — глупо.

Валтур поднялся и указал на массивную плиту в полу под центральным пультом.

— Мы вскрыем генераторную Аванпоста и извлечем Главный Резонансный Сингуляр. Этот источник питания — сердце базы. Мы заберем его с собой. Его энергии как раз хватит, чтобы дать линкору первую искру жизни, запустить базовые системы и реанимировать мостик для начального этапа. Без него «Меридиан Зеро» останется куском сплава.

— А я? — серебристый силуэт Селесты дрогнул.

Голограмма опустилась ниже. Линии её лица пошли мелкой рябью, а края серебристого силуэта начали рваться, выдавая страх программы перед вечной темнотой.

— Если вы извлечете Резонансное Ядро памяти из систем базы... я отключусь, — ее голос стал тише, потеряв былую звонкость. — Я помню, что такое забвение, Тайрус. Когда мой отец оцифровал меня, до запуска Аванпоста я провела в абсолютной пустоте несколько веков. Там нет времени. Нет мыслей. Нет света. Только бесконечное, леденящее душу ничто. Я боюсь, что если вы отключите меня сейчас, а системы линкора отвергнут мою матрицу или вы погибнете по дороге к верфи, я останусь в этой темноте навсегда. Или мое Ядро разрядится, и я окончательно умру.

Я поднялся с колен, все еще покачиваясь от нейронного отката. Каждый шаг давался с усилием — голова раскалывалась, и кровь из носа ещё не остановилась. Я вытер её рукавом, не останавливаясь, подошел к парящей голограмме. Несмотря на адскую боль в затылке, я посмотрел прямо в ее сияющие, полные страха глаза.

— Я дал тебе обещание, Селеста, — твердо сказал я, хотя собственный голос казался мне чужим. — Мы не оставим тебя здесь. Да, это риск. Но оставаться в умирающем Аванпосте — это лишь вопрос времени, когда системы жизнеобеспечения окончательно потухнут. Доверься мне. Мы донесем твое Ядро до «Меридиана».

Селеста внимательно всматривалась в мое лицо несколько секунд. Затем ее голографические плечи расслабились, и она едва заметно кивнула.

— Хорошо, Командующий, — тихо произнесла она. — Я сверну свои фоновые процессы и подготовлю Ядро к извлечению. Не заставляйте меня ждать слишком долго в темноте.

Валтур Кор'Дарен мрачно усмехнулся, активируя скрытые фиксаторы под пультом. — Тайрус, бери Звездный Камертон и помоги мне вскрыть бронеплиту генератора. Нам пора собирать вещи. Корабль ждет своего капитана.

Я замер, тупо уставившись на продолговатый прибор из темного матового сплава с массивным раздвоенным накопником, который Смотритель вытащил из инженерной ниши. Пакеты данных в моей голове всё ещё напоминали бурлящую кашу. Название корабля я вспомнил благодаря мощной эмоциональной вспышке, но практическое применение этерианских инструментов вгоняло мой человеческий раскусодок в ступор.

— Камертон? — хрипло переспросил я, переводя взгляд с прибора на Валтура. — Мы собираемся настраивать музы-

кальные инструменты или грабить генераторную?

Валтур даже не улыбнулся. Он спокойно перехватил цилиндр и нажал на едва заметную руну на его корпусе. Прибор тихо, утробно запел, и воздух между его металлическими зубцами пошел плотной оптической рябью.

— У Этерианцев нет механических замков, Тайрус. Эта плита держится резонансным сцеплением — стоячей волной определённой частоты. Камертон выдаёт противоволну. Антирезонанс разрушит связь на секунду, и плита отойдёт. Твой новый мозг знает, как это делать. Перестань искать глазами гайки — прислушайся.

Я протянул руку и взял тяжелый прибор. Едва мои пальцы легли на рукоять, как Камертон отозвался мелкой, щеко-чущей дрожью, синхронизируясь с моим пульсом. Головная боль начала отступать, уступая место холодному, чисто техническому азарту.

Я сделал глубокий вдох, поднимая Камертон и направляя его раздвоенное острие на массивную плиту в основании пульта. Воздух между зубцами прибора сгустился, превращаясь в тугую, дрожащую линзу.

— Ищи волну, Тайрус, — негромко скомандовал Валтур, занимая позицию у монтажных пазов. — Ты должен почувствовать противовес. Замок держится на частоте тридцать седьмого регистра.

В первый миг мои руки повело в сторону — инструмент рвался из пальцев, словно дикий зверь, наткнувшийся на

невидимую преграду. Но стоило мне закрыть глаза и довериться мышечной памяти аватара, как пальцы сами скорректировали угол наклона. Я интуитивно крутанул руническое кольцо на рукояти. Звук Камертона изменился, перейдя с ультразвукового писка на тяжелый, утробный бас.

Воздух между зубцами инструмента уплотнился так, что начал искажать свет. Камертон выдал финальную тяжелую ноту, и в ту же секунду весь гул в отсеке напрочь отрубил. В этой внезапной глухоте многотонная плита со скрежетом просела вниз, обнажая внутреннее святилище базы.

Там, в глубокой нише, окутанный защитными контурами, вращался Главный Резонансный Сингуляр. Он выглядел как вытянутый цилиндр из прозрачного этерианского сплава, внутри которого пульсировал сгусток белого пламени. Это была чистая, пойманная в ловушку гравитационная сила, бьющаяся в замкнутом контуре. От одного взгляда на неё у меня заломило зубы, а кожа покрылась мурашками.

Валтур действовал быстро и безжалостно. Окутав ладони тусклым защитным полем, он точными, заученными движениями перебил фиксирующие мембраны. Сингуляр замер. Белое пламя внутри него чуть притухло, переходя в режим консервации. С глухим щелчком Смотритель извлек тяжелый цилиндр из гнезда и вытащил наружу.

Освещение в Командном центре упало наполовину. Янтарные панели замигали, системы жизнеобеспечения издали протяжный, затихающий вздох. База медленно умирала.

— Теперь Селеста, — Вальтур указал на соседний отсек, где под защитным барьером мерцал сложный геометрический блок — Резонансное Ядро памяти.

Серебристый силуэт девушки опустился прямо к нам. Она казалась совсем прозрачной, края её голограммы рвались цифровой рябью, сквозь неё уже отчетливо проглядывали гаснущие стены зала. Она посмотрела на меня, и её силуэт мелко, судорожно задрожал, сбоя в пикселях. Цифровая рябь выдавала её страх лучше любых слов.

— Мой поток данных сворачивается, Командующий... — прошептала она, и её голос донесся словно из глубокого колодца. — Я закрываю когнитивные щиты. Не оставляйте меня в темноте. Пожалуйста.

— Скоро увидимся на «Меридиане», Селеста, — твердо ответил я.

Она попыталась улыбнуться, но не успела. Я коснулся фиксаторов Ядра. Голограмма девушки мгновенно схлопнулась, рассыпавшись миллиардами серебряных искр, которые с тихим шорохом втянулись внутрь матового граненого кристалла.

Я потянул блок на себя. Тяжелый, леденящий ладони кусок древней технологии лег мне в руки.

В ту же секунду Аванпост «Эхо» окончательно ослеп. Последние янтарные контуры аварийного освещения погасли. Великое безмолвие, длившееся здесь тысячелетия, вернулось, чтобы забрать свое. Зал погрузился в абсолютную, кро-

мешную тьму, разбиваемую лишь тусклым, призрачным светом глаз Валтура и ровным, летаргическим мерцанием Сингуляра в его руках.

Мы остались наедине с тишиной. База превратилась в мертвый склеп. Но в наших руках были две искры: жизнь Селесты и энергия для корабля, который ждал нас на орбите.

— Идем, Тайрус, — Валтур развернулся к выходу, его плащ глухо зашуршал во тьме. — Ангар челноков в южном крыле.

Глава 6. Путь к верфям

Тёмные коридоры мертвого Аванпоста больше не казались мне слепыми провалами. После жесткой настройки Валтура мое зрение адаптировалось: я видел мир сквозь призму остаточных затухающих вибраций. Стены, мимо которых мы быстро шли, оставляли в пространстве едва заметные сизые шлейфы, похожие на фосфоресцирующий след от сигаретного дыма. Архитектура базы, лишившись энергии, медленно остывала, но её контуры всё еще отпечатывались в моем измененном сознании.

Я шел вторым, крепко прижимая к груди Резонансное Ядро Селесты. Тяжелый матовый кристалл казался ледяным, и эта физическая стужа пугала меня больше, чем темнота. Где-то там, внутри этого куска этерианского сплава, сейчас была заперта Селеста. В абсолютном ничто. Без единой мысли, без ощущения времени. Я помнил её испуганный взгляд перед тем, как голограмма рассыпалась искрами, и этот образ заставлял меня переставлять ноги быстрее, игнорируя глухую, пульсирующую боль в затылке.

Валтур шел впереди широким шагом. Подмышкой ровным летаргическим светом мерцал Сингуляр, выхваченный из сердца базы. Белое пламя внутри цилиндра лениво перекачивалось, бросая резкие, бледные блики на стены коридора и на тяжелый плащ Смотрителя. Мы свернули в южное

крыло. Здесь потолки становились ниже, а гладкие панели уступали место массивным ребрам жесткости. Это была техническая зона, ведущая к пусковым докам.

— Давление в шлюзах упало до нуля, — не оборачиваясь, глухо произнес Валтур. Глухой голос Валтура теперь не бил по барабанным перепонкам — я физически видел, как звуковая волна на долю секунды колеблет пыльный воздух шлюза. — Челнок, на котором мы полетим, законсервирован намертво. Придется выдать короткий импульс от Сингуляра, чтобы оживить его гидравлику и открыть створки внешних ворот. Готовься к тому, что старт будет жестким.

— Что значит жестким? — спросил я, перепрыгивая через упавшую декоративную панель.

— Автоматика выключена. Системы наведения мертвы. Нам придется пробивать мембрану реальности и выходить на орбиту вручную, ориентируясь по мышечной памяти, — Валтур остановился перед колоссальной, круглой переборкой ангара. — Точнее, ориентироваться будешь ты. Челнок признает только биометрику Командующего Авангарда. Я буду удерживать реактор, а ты — пилотировать эту жестянку.

Смотритель прижал Сингуляр к монтажной панели на стене. Белое пламя внутри цилиндра яростно крутанулось. По переборке побежали тонкие, злые нити энергии, заставляя металл застонать от внезапного термического шока. С тяжелым, скрежещущим звуком круглые створки шлюза начали

расходиться в стороны, закручиваясь по спирали. За ними открылся ангар.

Он был небольшим, рассчитанным всего на одно судно. В самом центре дока, зажатый массивными фиксаторами, покоился челнок Этерианцев. Я замер. Штука в центре дока меньше всего походила на космический корабль из фантастических фильмов. Гладкий, обтекаемый обсидиановый монолит, больше напоминающий острую стрелу из иссиня-черного сплава, лишенную каких-либо выступающих частей, крыльев или дюз. Ни одного шва, ни одного иллюминатора.

— Челнок класса «Стриж». Создан для курьерских миссий и глубокой разведки. Локально искривляет пространство перед собой — как будто проваливается в складки метрики. Быстрое скольжение, почти без следа. Забирайся внутрь.

Мы взбежали по опустившейся аппарели, которая под воздействием остаточной энергии Сингуляра выдвинулась с тихим шипением. Внутри челнока царил такой же могильный холод, как и на всей базе. Воздух здесь застоялся за тысячи лет, став плотным и горьким от озона. Валтур сразу прошел в технический отсек посередине судна, где располагалось пустое гнездо маршевого двигателя. Я же направился в носовую часть.

Кокпит «Стрижа» разительно отличался от кабин человеческих истребителей из фантастических фильмов. Здесь не

было кресла в привычном понимании — вместо него из пола поднимался наклонный ложемент из мягкого, пористого материала, окруженный кольцом спящих панелей. Я бережно опустил Резонансное Ядро Селесты в специальную нишу на левой консоли. Кристалл встал в пазы с глухим щелчком, но остался темным. Контурсы челнока пока не могли принять столь сложную ментальную матрицу.

— Начинаю подачу энергии! — донесся из глубины корабля зычный голос Валтура. — Ложись в контур, Тайрус! Лови частоту!

Я быстро лег на ложемент. Он мягко зафиксировал тело, и в затылке привычно, но безболезненно щелкнуло — нейросеть челнока наживую сопряглась с моими рецепторами. В следующую секунду челнок содрогнулся. Сингуляр базы выдал мощный поток энергии в цепи «Стрижа». Мертвая обсидиановая стрела ожила.

Гладкие стены кабины растворились, сменившись круговой голографической проекцией. Я больше не сидел внутри коробки — система проецировала пространство снаружи прямо в мой мозг. Я видел закрытые створки ангара, видел замершие дроны-погрузчики и глухую пустоту космоса за пределами скалы, в которой был вырублен Аванпост. И вместе с этим на меня обрушился интерфейс управления. Тысячи всплывающих фракталов, шкал и рунических комбинаций. Но в этот раз, благодаря уроку Валтура, мой разум не впал в панику. Да, информация давила, заставляя виски

взрываться тупой болью, но я уже видел структуру. Я понимал, какая шкала отвечает за плотность щита, а какой узор активирует пространственный сжатель.

— Ворота дока заклинило! Они открылись наполовину! — крикнул Валтур. Его голос теперь транслировался мне прямо в подкорку через нейросеть. — Энергии Сингуляра не хватит, чтобы повернуть их до конца! Нам придется проби-
вать их насквозь! Активируй носовой таранный резонанс!

Мои руки сами легли на сенсорные панели подлокотников. Пальцы интуитивно начали перебирать невидимые струны интерфейса, сонастраивая частоту корабля с частотой бронедверей ангара. Мой человеческий разум сжался от страха, понимая, что мы собираемся врезаться в многотонную плиту этерианского сплава на заклинившем челноке. Но тело Тайруса было спокойно. Его пульс оставался ровным, а дыхание — глубоким.

— Метрика синхронизирована, — произнес я, и мой голос, усиленный передатчиками «Стрижа», прозвучал над-
рывно и властно. — Держись, Смотритель. Мы уходим.

Я резко толкнул виртуальные маркеры вперед. «Стриж» сорвался с места без единого звука, без рева двигателей или выхлопа плазмы. Пространство перед носом челнока сжа-
лось, рывком потянув корабль за собой. Вспышка.

Мы врезались в полуоткрытые створки ворот. Но вме-
сто страшного удара и взрыва произошло нечто иное: но-
совой резонансный щит челнока на долю секунды превра-

тил молекулярную структуру бронедверей в податливое желе. «Стриж» просочился сквозь многотонный сплав, оставив после себя лишь облако оплавленных, быстро остывающих искр.

Нас вышвырнуло в открытый космос. Голографическая проекция кокпита мгновенно заполнилась непроглядной чернотой Сектора Эхо. Ни одной звезды вокруг. Только мёртвая, маслянистая пустота Вуали — и она была не где-то снаружи, она была везде, со всех сторон сразу, без дна и без края. От этой пустоты вокруг по спине пробежал холодок. Позади быстро уменьшалась невзрачная серая туша астероида, внутри которого навсегда погас Аванпост «Эхо».

— Чистый выход, — раздался в голове тяжелый вздох Валтура. — Энергия Сингуляра стабилизировалась в маршевом контуре. Корректируй курс, Тайрус. Верфи прямо по курсу, в трех секундах скольжения.

Я настроил когнитивный фокус зрения челнока. Там, впереди, в абсолютной темноте, где обычные радары не увидели бы ничего, кроме вакуума, мое измененное зрение уловило едва заметный энергетический силуэт. Это были скрытые маскировочными полями верфи Авангарда. А в самом их центре, зажатый мертвыми объятиями доков, покоился исполинский, искалеченный боевой флагман. Осколок ушедшей эпохи, который мне предстояло оживить.

Линкор «Меридиан Зеро».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.